Т.Б. Маколей

Полное собрание сочинений

Том 2. Критические и исторические опыты. 2-е изд

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
Т11

Т.Б. Маколей
Т11 Полное собрание сочинений: Том 2. Критические и исторические опыты. 2-е изд / Т.Б. Маколей – М.: Книга по Требованию, 2021. – 326 с.

ISBN 978-5-4241-8930-2

ISBN 978-5-4241-8930-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ДЖОНЪ ГАМПДЕНЪ.

(Декабрь, 1831).

«*Some Memorials of John Hampden, his Party, and his Times.*» By Lord Nugent. 2 vols. 8-vo. London, 1831.

«*Нѣкоторые матеріалы, относящіеся къ жизни Джона Гампдена, его партіи и его время.*» Лорда Ноджента. 2 тома. 8-vo. Лондонъ, 1831 г.

Мы прочли эту книгу съ большимъ удовольствіемъ, хотя и не съ такимъ точно удовольствіемъ какого ожидали. Мы надѣялись, что лордъ Ноджентъ, изъ семейныхъ бумагъ и мѣстныхъ преданій, въ состояніи будетъ собрать много новыхъ и интересныхъ свѣдѣній, касательно жизни и характера знаменитаго коновода Долгаго парламента, перваго изъ тѣхъ великихъ англійскихъ коммонеровъ, къ имени котораго обыкновенная приставка слова «мистеръ» звучитъ въ нашихъ ушахъ величественнѣе самыхъ надменныхъ феодальныхъ титуловъ. Въ надеждѣ этой мы были обмануты, хотя, конечно, не по недостатку усердія и старанія со стороны благороднаго біографа. Даже въ Гампденѣ не оказывается, по-видимому, никакихъ важныхъ бумагъ, относящихся къ знаменитѣйшему владѣтелю этого древняго помѣстья. Драгоцѣннѣйшіе изъ существующихъ еще посмертныхъ бумагъ принадлежатъ семейству друга его, Сэра Джона Эліота. Лордъ Эліотъ доставилъ портретъ, гравированный для этого сочиненія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми очень интересными письмами. Портретъ этотъ несомнѣнно оригиналъ, и, вѣроятно, единственный, нынѣ существующій оригиналъ. Умное чело, кроткій, проницатель-

Digitized by Google

ный взоръ, непреклонная рѣшимость, выраженная очертаніемъ рта, достаточно ручаются за сходство. Намъ придется, вѣроятно, дѣлать изъ этихъ писемъ нѣкоторыя извлеченія. Они содержатъ почти всѣ новыя свѣдѣнія, которыя лорду Ноджентy удалось собрать касательно частной дѣятельности великаго человѣка, память котораго онъ чтитъ съ восторженнымъ, но не безумнымъ благоговѣніемъ.

Публичная жизнь Гампдена не покрыта никакимъ мракомъ. Исторія его жизни, въ особенности же съ 1640 г. до его смерти, есть исторія Англіи. Эти мемуары слѣдуетъ считать мемуарами къ исторіи Англіи; и въ этомъ отношеніи они очень заслуживаютъ внимательнаго чтенія. Они содержатъ нѣкоторые любопытные и, для насъ по крайней мѣрѣ, новые факты, много оживленнаго разсказа, много умныхъ замѣчаній и много ораторскаго краснорѣчія.

Мы не увѣрены въ томъ, чтобы даже недостатокъ свѣдѣній, касательно частнаго характера Гампдена, не былъ самъ-по-себѣ обстоятельствомъ, столь же рѣзко характеристическимъ, какъ и всякое другое когда-либо упоминаемое подробнѣйшими лѣтописцами: О'Мearою (1), м-съ Траль или самимъ Босвеллемъ, касательно ихъ героевъ. Прославившійся пуританскій вождь представляетъ собою почти единственный примѣръ великаго человѣка, который не искалъ и не избѣгалъ величія, который нашелъ славу потому только, что слава лежала на простомъ пути обязанности. Въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ деревенскимъ своимъ сосѣдямъ онъ извѣстенъ былъ какъ джентльменъ образованнаго ума, высокихъ правилъ, тонкаго обращенія, счастливый въ своемъ семействѣ и дѣятельный въ исполненіи мѣстныхъ должностей; лицамъ же политическаго міра — какъ честный, трудолюбивый и умный членъ парламента, нѣ стремившійся выказывать своихъ дарованій, вѣрный своей партіи и внимательный къ интересамъ своихъ довѣрителей. Насталъ великій и страшный кризисъ. Самовольнымъ правительствомъ нанесенъ былъ прямой ударъ священному праву англичанъ, праву, которое служило главнымъ оплотомъ всѣхъ прочихъ ихъ правъ Народъ искалъ кругомъ защитника. Спокойно и безъ тщеславія, простой боккингамширскій сквайръ, во главѣ своихъ зем-

(1) Barry Edward O'Meara былъ медикомъ Наполеона на островѣ св. Елены. Онъ велъ подробный дневникъ, въ который тщательно записывалъ всякій разговоръ съ императоромъ и который былъ изданъ послѣ смерти Наполеона подъ заглавіемъ: «*Napoleon in exile, or a voice from St.-Helena*».

Digitized by Google

ляковъ, сталъ прямо лицомъ-къ-лицу и поперегъ дороги тиранніи. Времена становились все сумрачнѣе и смутнѣе. Требовалась служба обществу, опасная, трудная, щекотливая; умъ и мужество этого удивительнаго человѣка оказались вполнѣ соотвѣтствующими всякой службѣ. Онъ сдѣлался первоклассным парламентскимъ бойцомъ, самымъ ловкимъ двигателемъ Палаты общинъ, посредникомъ, воиномъ. Онъ управлялъ свирѣпымъ и бурнымъ собраніемъ, полнымъ способными людьми, такъ же легко, какъ своимъ семействомъ. Онъ показалъ себя столь же свѣдущимъ въ управленіи военными дѣйствіями, какъ и въ завѣдываніи дѣлами малыхъ засѣданій (*). Мы не въ состояніи вполнѣ выразить удивленія, которое чувствуемъ къ уму столь великому, и въ то же время столь здравому, въ такой степени соразмѣрному, столь охотно сокращающемуся при самыхъ скромныхъ обязанностяхъ, какъ и легко расширяющемуся при самыхъ высокихъ, столь довольному въ спокойствіи, столь мощному въ дѣйствіи. Почти каждая сторона этой добродѣтельной и безукоризненной жизни, которая не скрыта отъ насъ въ скромномъ уединеніи, составляетъ драгоцѣнную и блистательную часть нашей народной исторіи. Еслибъ частная жизнь Гампдена представляла малѣйшій предлогъ для порицанія, то онъ подвергся бы нападкамъ того же слѣпаго недоброжелательства, которое, вопреки самымъ яснымъ доказательствамъ, до сихъ поръ не перестаетъ называть Сэра Джона Эліота убійцею. Будь въ характерѣ Гампдена какая-либо слабая сторона, будь его обращеніе въ какомъ-нибудь отношеніи доступно посмѣянію — мы можемъ быть увѣрены, что описатели Карловой партіи не оказали бы ему никакой пощады. Писатели эти тщательно сохраняли малѣйшее обстоятельство, которое могло бы имѣть цѣлью сдѣлать ихъ противниковъ ненавистными и презрѣнными. Они потѣшались надъ тарабарщиной безразсудныхъ изувѣровъ. Они разсказали намъ, что Пимъ оборвался въ своей рѣчи; что Голлисъ тянулъ за носъ Айртона; что графъ Нортумберландскій колотилъ палкою Генри Мартена; что Сентъ-Джонъ былъ угрюмаго нрава; что Вэнъ былъ дуренъ лицемъ; что у Кромвелля былъ красный носъ. Но ни искусный Кларендонъ, ни грубый Денгамъ не посмѣли бросить ни малѣй-

(*) Частныя или малыя засѣданія (special sessions, petty sessions), на которыхъ собираются двое или болѣе мировыхъ судей, названы такъ для отличія отъ правильныхъ четвертныхъ засѣданій (quarter sessions), на которыхъ, каждые три мѣсяца, собираются всѣ мировые судьи графства.

Digitized by Google

шей тѣни на нравственность или манеры Гампдена. Какого о немъ мнѣнія были лучшіе люди его времени—намъ сообщаетъ Бакстеръ (2). Эта высокая личность, высокая не только по своему благочестію и пламенно-набожному краснорѣчію, но и по своей умѣренности, своему знанію политическихъ дѣлъ и своему искусству въ сужденіи о характерахъ, объявила въ сочиненіи своемъ «*The Saint's Rest*», что однимъ изъ удовольствій, которыми онъ надѣялся наслаждаться въ небѣ, было общество Гампдена. Въ изданіяхъ, печатанныхъ послѣ Реставраціи, имя Гампдена было пропущено. «Но я долженъ сказать читателю, говоритъ Бакстеръ, что я вычеркнулъ его не вслѣдствіе перемѣны моего мнѣнія о лицѣ... М-ръ Джонъ Гампденъ былъ человѣкъ, котораго какъ друзья, такъ и враги, признавали превосходнѣйшимъ по благоразумію, благочестію и миролюбивымъ совѣтамъ, и который пользовался общею похвалою всѣхъ современныхъ джентльменовъ, какихъ я только помню. Я помню, какъ въ моемъ присутствіи одинъ умѣренный, разумный и пожилой джентльменъ, который, хотя былъ далекъ отъ него, но былъ знакомъ съ нимъ, сказалъ, что если бы ему пришлось выбирать, какою личностью онъ желалъ бы тогда быть въ свѣтѣ, то онъ пожелалъ бы быть Джономъ Гампденомъ.» Нельзя не пожалѣть, что у насъ нѣтъ болѣе полныхъ воспоминаній о человѣкѣ, который, пройдя самыя тяжкія искушенія, какими можетъ быть испытана человѣческая добродѣтель, игравши самую замѣчательную роль въ революціи и междоусобной войнѣ, могъ все-таки удостоиться подобной похвалы отъ такого авторитета. Но недостатокъ воспоминаній служитъ, конечно, лучшимъ доказательствомъ тому, что даже сама ненависть не могла найти ни одного пятна на его памяти.

Разсказъ о ранней жизни его кратокъ. Онъ былъ главою семейства, которое, еще до Завоеванія, поселилось въ Боккингамширѣ. Часть наслѣдованнаго имъ имѣнія пожалована была Эдуардомъ Исповѣдникомъ Балдуину Гампдену, котораго имя указываетъ, по-видимому, на то, что онъ былъ однимъ изъ норманнскихъ любимцевъ послѣдняго саксонскаго короля. Въ продолженіе распри между домами Іоркскимъ и Ланкастерскимъ, Гампдены пристали къ партіи Алой Розы, и были, вслѣдствіе того, преслѣдуемы Эдуардомъ IV и въ милости у Генриха VII. При Тюдорахъ родъ Гампденовъ былъ ве-

(2) Richard Baxter — замѣчательный нонконформистъ, авторъ «*The Saint's Everlasting Rest*» († 1691).

Digitized by Google

ликъ и цвѣтущъ. Гриффитъ Гампденъ, старшій боккингамширскій шерифъ, съ большою пышностью принималъ въ своемъ помѣстьи Елисавету. Сынъ его, Вилліамъ Гампденъ, засѣдалъ въ парламентѣ, созванномъ этою королевою въ 1593 году. Вилліамъ женился на Елисаветѣ Кромвелль, теткѣ того знаменитаго человѣка, который впослѣдствіи управлялъ Британскими островами болѣе чѣмъ съ королевскою властью; и отъ брака этого произошелъ Джонъ Гампденъ.

Онъ родился въ 1594 году. Въ 1597 отецъ его умеръ, оставивъ его наслѣдникомъ огромнаго помѣстья. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ гимназіи въ Тэмъ, молодой 15-ти лѣтній Гампденъ отправленъ былъ въ коллегію Магдалины Оксфордскаго университета. Девятнадцати лѣтъ онъ принятъ былъ студентомъ Inner Temple, гдѣ изучилъ основанія англійскаго права. Въ 1619 году онъ женился на Елисаветѣ Симеонъ, къ которой былъ, по-видимому, страстно привязанъ. Въ слѣдующемъ году онъ избранъ былъ въ парламентъ пріобрѣвшимъ въ наше время жалкую извѣстность мѣстечкомъ Грампаундъ.

Изъ частной жизни раннихъ лѣтъ его извѣстно не много болѣе разсказаннаго намъ Кларендономъ. «При вступленіи своемъ въ свѣтъ, говоритъ этотъ великій историкъ, онъ предался со всею необузданностью увеселеніямъ, занятіямъ и обществу, бывшимъ тогда въ ходу у людей самой разгульной жизни.» Замѣчательная, однако, перемѣна произошла въ его характерѣ. «Вдругъ, говоритъ Кларендонъ, отъ жизни полной удовольствій и распущенности онъ обратился къ чрезвычайному воздержанію и строгости, къ болѣе скромному и серьёзному обществу.» Перемѣна эта, вѣроятно, произошла тогда, когда Гампдену было около 25-ти лѣтъ. Въ эту пору онъ былъ женатъ на женщинѣ, которую любилъ и уважалъ. Въ эту пору онъ вступилъ въ политическую жизнь. Умъ столь счастливаго склада, какъ его, оставляетъ, естественно, при такихъ обстоятельствахъ, удовольствія разгульной жизни ради домашнихъ наслажденій и общественныхъ обязанностей.

Враги его признали въ немъ человѣка, въ которомъ добродѣтель проявлялась съ самой кроткой и наименѣе-суровой своей формѣ. Съ нравственностью пуританина онъ соединялъ манеры совершеннаго царедворца. Даже послѣ перемѣны въ его привычкахъ, «онъ сохранилъ, говоритъ Кларендонъ, свою природную веселость и живость, а сверхъ всего, чрезвычайную ко всѣмъ вѣжливость.» Эти качества отличали его отъ большинства членовъ его секты и его партіи, и, въ великую критическую минуту, въ которой онъ впослѣдствіи игралъ главную

Digitized by Google

роль, принесли едва-ли мéньшую пользу странѣ, чѣмъ его тонкая проницательность и неустрашимое мужество.

Въ январѣ 1621 Гампденъ занялъ свое мѣсто въ палатѣ общинъ. Мать его крайне желала, чтобы сынъ получилъ пéрство. Его родъ, состояніе и личныя дарованія оправдали бы, во всякое время, притязанія на эту почесть. Но въ царствованіе Іакова I къ палатѣ лордовъ путь былъ короткій. Стоило лишь спросить, заплатить и получить. Продажа титуловъ производилась такъ же открыто, какъ въ наше время продажа мѣстечекъ. Гампденъ отвернулся съ презрѣніемъ отъ унизительныхъ почестей, которыми его семейство желало видѣть его покрытымъ, и присталъ къ партіи оппозиціонной двору.

Около этого-то времени, какъ справедливо замѣтилъ лордъ Ноджентъ, парламентская оппозиція начала принимать правильную форму. Съ самыхъ раннихъ временъ англичане пользовались гораздо бóльшимъ количествомъ свободы, нежели досталось на долю какого-либо сосѣдняго народа. Какимъ образомъ случилось, что страна, побѣжденная и порабощенная пришельцами; страна, которой почва раздѣлена была между чужеземными удальцами и которой законы написаны были на чужомъ языкѣ; страна, попавшая въ руки злѣйшей тиранніи, тиранніи касты надъ кастой, могла сдѣлаться мѣстомъ гражданской свободы, предметомъ удивленія и зависти окружающихъ государствъ, — это составляетъ одну изъ самыхъ темныхъ задачъ въ философіи исторіи. Но фактъ достовѣренъ. Чрезъ полтора столѣтія послѣ норманнскаго завоеванія признана была *Великая Хартія*. Чрезъ два столѣтія послѣ завоеванія собралась первая палата общинъ. Фруассаръ разсказываетъ намъ, — да и все повѣствованіе его достаточно подтверждаетъ это, — что изъ всѣхъ народовъ XIV ст. англичане наименѣе расположены были переносить угнетеніе. «C'est le plus périlleux peuple qui soit au monde, et plus outrageux et orgueilleux» (3). Добрый каноникъ не догадался, вѣроятно, что все благоденствіе и внутреннее спокойствіе, которыми наслаждался этотъ опасный народъ, были плодами того нрава, который онъ называетъ гордымъ и обидчивымъ. Онъ однако вполнѣ свидѣтельствуетъ о самомъ явленіи, хотя, по недостатку проницательности, не могъ прослѣдить за нимъ до его причины. «En le royaume d'Angleterre, говоритъ онъ, toutes gens, laboureurs et marchands, ont appris de vivre en paix, et à

(3) «Это самый опасный народъ въ мірѣ, и самый обидчивый и гордый.»

Digitized by Google

mener leurs marchandises paisiblement, et les laboureurs labourer.» (4) Въ XV ст., хотя Англія и была потрясаема борьбою между двумя отраслями королевской фамиліи, физическое и нравственное состояніе народа не переставало улучшаться. Крѣпостное сословіе почти совершенно исчезло. Бѣдствія войны были мало чувствительны, развѣ только для однихъ военныхъ. Притѣсненія правительства были мало чувствительны, развѣ для одной только аристократіи. Учрежденія страны, въ сравненіи съ учрежденіями сосѣднихъ государствъ, не были, по-видимому, недостойны похвалы Фортескью (5). Правленіе Эдуарда IV, хотя мы называемъ его жестокимъ и произвольнымъ, было человѣколюбивое и либеральное, въ сравненіи съ правленіемъ Людовика XI или Карла Смѣлаго. Коминъ, жившій среди богатыхъ городовъ Фландріи и посѣщавшій Флоренцію и Венецію, никогда не встрѣчалъ такъ хорошо управляемаго народа, какъ англійскій. «Or selon mon advis, говоритъ онъ, entre toutes les seigneuries du monde, dont j'ay connoissance, ou la chose publique est mieulx traitée, et ou regne moins de violence sur le peuple, et ou il n'y a nuls édifices abbatus ny demolis pour guerre, c'est Angleterre; et tombe le sort et le malheur sur ceulx qui font la guerre.» (6)

Въ исходѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій вліяніе, бывшее въ рукахъ аристократіи, перешло большею частью къ престолу. Ни одинъ англійскій король никогда не нользовался такою неограниченною властью какъ Генрихъ VIII. Но въ то же время, какъ королевскія прерогативы усиливались на счетъ дворянства, произошли два великіе переворота, которымъ суждено было сдѣлаться виновниками многихъ переворотовъ: изобрѣтеніе книгопечатанія и Реформація.

Непосредственное дѣйствіе Реформаціи въ Англіи нисколько не благопріятствовало политической ея свободѣ. Власть, которою пользовались папы, почти вся перешла къ королю. Двѣ страшныя силы, служившія часто къ взаимному обузданію, слились

(4) «Въ Англійскомъ королевствѣ, всѣ люди, земледѣльцы и купцы, пріучились жить въ мирѣ; купцы вести мирно свою торговлю, а земледѣльцы обработывать землю.»

(5) Sir John Fortescue — извѣстный судья и литераторъ временъ Іакова I.

(6) «Итакъ, по моему мнѣнію, страна, между всѣми государствами въ мірѣ, о которыхъ мнѣ извѣстно, гдѣ общественныя дѣла управляются наилучше, гдѣ народъ наименѣе подверженъ насилію, гдѣ нѣтъ никакихъ зданій, разрушенныхъ или уничтоженныхъ ради войны — это Англія; и всѣ бѣдствія падаютъ только на воюющихъ.»

Digitized by Google

въ одномъ деспотѣ. Еслибъ система, по которой дѣйствовали основатели Англійской церкви, могла быть прочною, то Реформація, въ политическомъ значеніи, была бы величайшимъ бѣдствіемъ, какое когда-либо постигло нашу страну. Но система эта скрывала въ себѣ зародыши собственной смерти. Вмѣсто Климента можно было наименовать главою церкви Генриха; но нельзя было новому порядку вещей придать то благоговѣніе, какое внушалъ старый. Человѣчество не для того сокрушило одно иго, чтобы наложить на себя другое. Первенство римскаго епископа искони почиталось основнымъ началомъ Христіанства. Оно имѣло за собою все, что могло укоренить и укрѣпить предразсудокъ: почтенную древность, высокій авторитетъ, всеобщее согласіе. Оно заучивалось въ первыхъ урокахъ няни. Оно принималось за аксіому во всѣхъ поученіяхъ священника. Отвергнуть его значило разорвать связь между безчисленными понятіями и нанести сильный и гибельный ударъ самому принципу. Однако предразсудокъ этотъ, при всей своей закоренѣлости, не могъ устоять въ великую минуту освобожденія человѣческаго ума. Да и нельзя было ожидать, чтобы общественное мнѣніе, только-что освободившееся съ неслыханнымъ усиліемъ отъ рабства, издревле на немъ тяготѣвшаго, безропотно покорилось тиранніи, не имѣвшей за собой никакихъ древнихъ правъ. На сторонѣ Рима была, по крайней мѣрѣ, давность. Но протестантская нетерпимость; деспотизмъ въ возникшей сектѣ; непогрѣшительность, на которую имѣли притязаніе руководители, сами сознаваясь, что они большую часть жизни провели въ заблужденіи; ограниченія свободы личнаго мнѣнія, произвольно налагаемыя тѣми правителями, которые собственныя свои дѣйствія могли оправдать не иначе, какъ только допуская свободу личнаго мнѣнія, — были вещи, какихъ нельзя было долго выносить. Тѣ, которые низвергли распятіе, не могли долго продолжать своихъ преслѣдованій за стихарь. Не требовалось большой проницательности для открытія непослѣдовательности и нечестности тѣхъ лицъ, которыя, не соглашаясь почти съ цѣлымъ Христіанскимъ міромъ, не дозволяли никому не соглашаться съ ними; которыя добивались сами свободы совѣсти, а отказывали въ ней другимъ; которыя проклинали преслѣдованія, а сами преслѣдовали; которыя вооружали умъ противъ авторитета одного противника, а авторитетъ — противъ доводовъ другаго. Боннеръ дѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ, согласно своимъ принципамъ. Кранмеръ, обвиненный въ ереси, могъ оправдывать себя только такими доводами, которые обнаружили въ немъ убійцу.

Digitized by Google

Система, по которой англійскіе государи, въ продолженіе нѣкотораго времени послѣ Реформаціи, дѣйствовали въ церковныхъ дѣлахъ, не могла быть прочною по слишкомъ очевидной нелѣпости. Общественное мнѣніе подвигалось, когда правительство подвигалось, но не останавливалось тамъ, гдѣ останавливалось правительство. Тотъ самый толчекъ, который отклонилъ цѣлые милліоны отъ Римской церкви, не переставалъ увлекать ихъ впередъ по тому же направленію. Какъ католики сдѣлались протестантами, такъ точно протестанты дѣлались пуританами; а Тюдоры и Стюарты увидѣли себя столь же безсильными въ отвращеніи послѣдняго явленія, какъ папы въ отвращеніи перваго. Диссентерская партія все болѣе и болѣе росла и крѣпла среди всякихъ невзгодъ и притѣсненій. Она была расколомъ. Правительство стало ее преслѣдовать — и она превратилась въ оппозицію. Древняя англійская конституція давала ей средства къ сопротивленію государю безъ нарушенія закона. Она составляла большинство въ палатѣ общинъ. Принять или отвергнуть бюджетъ расхода было въ ея рукахъ; и, разумно пользуясь этимъ средствомъ, она могла надѣяться отнять у церкви захваченную ею власть надъ совѣстью людей, а у престола — нѣкоторыя изъ его обширныхъ прерогативъ, пріобрѣтенныхъ въ послѣднее время на счетъ дворянства и папы.

Слабые зачатки этой достопамятной борьбы видны уже были на первыхъ порахъ царствованія Елисаветы. Поведеніе послѣдняго ея парламента обнаружило ясно, что готовился одинъ изъ тѣхъ великихъ переворотовъ, которыми политика можетъ руководить, но которыхъ она не въ состояніи остановить. Первую великую побѣду надъ престоломъ одержала палата общинъ по вопросу о монополіяхъ. Дѣйствія необыкновенной женщины, управлявшей въ то время Англіею, могутъ служить отличнѣйшимъ урокомъ для государственныхъ людей, живущихъ въ бурныя времена. Дѣйствія эти показываютъ, какъ глубоко понимала она народъ, которымъ управляла, и критическое время, въ которомъ приходилось ей дѣйствовать. То, что она держала, она держала крѣпко. То, что уступала — уступала охотно. Замѣтивъ, что необходимо слѣдовало сдѣлать уступку народу, она не дѣлала ее противъ воли и не во-время, какъ дѣло торга и продажи, однимъ словомъ — какъ это сдѣлалъ бы Карлъ I; но безотлагательно и искренно. Прежде чѣмъ успѣли еще составить билль или поднести ей адресъ, она уже употребляла средства противъ недуга, на который жаловался народъ. Она изъявляла въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ благодарность свою вѣрнымъ своимъ

Digitized by Google

общинамъ за открытіе злоупотребленій, скрываемыхъ отъ нея участниками зла. Еслибъ ея преемники, вмѣстѣ съ короною, наслѣдовали и ея мудрость, то Карлъ I могъ бы умереть въ глубокой старости, а Іаковъ II никогда бы не видѣлъ С.-Жерменскаго замка.

Послѣ ея смерти королевство перешло въ руки такой личности, которая въ дѣлѣ царствованія считала себя величайшимъ изъ политиковъ когда-либо существовавшихъ, но на самомъ дѣлѣ, была однимъ изъ тѣхъ королей, которыхъ Богъ, кажется, нарочно посылаетъ для ускоренія переворотовъ. Изъ всѣхъ враговъ свободы, которыхъ произвела Британія, онъ былъ самый безвредный и, въ то же время, самый задорный. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ походилъ на того человѣка, который, во время испанской травли быковъ, доводитъ неповоротливое животное до ярости, махая въ воздухѣ кускомъ красной матеріи и бросая по временамъ дротикъ, довольно острый для уязвленія, но слишкомъ малый для нанесенія вреда. Политика осторожныхъ тирановъ состояла всегда въ прикрываніи насильственныхъ поступковъ популярными формами. Іаковъ I навязывалъ всегда своимъ подданнымъ деспотическія свои теоріи безъ малѣйшей надобности. Его безтолковая болтовня раздражала ихъ безконечно болѣе, чѣмъ принужденные займы и добровольныя пожертвованія. На дѣлѣ же, ни одинъ король не стоялъ за свои прерогативы съ мѣньшимъ упорствомъ, чѣмъ онъ. Онъ не уступалъ добровольно впередъ идущему духу свободы и не употреблялъ сильныхъ мѣръ для остановки его, но отступалъ предъ нимъ съ смѣшною поспѣшностью, хвастовствомъ и бранью. Въ теченіе почти 150 лѣтъ англійскій народъ управляемъ былъ государями, которые, при всѣхъ своихъ слабостяхъ и порокахъ, имѣли всѣ великую силу характера и которыхъ онъ, несмотря на любовь или ненависть къ нимъ, всегда боялся. Теперь, наконецъ, въ первый разъ, съ той минуты когда скипетръ Генриха IV выпалъ изъ рукъ его летаргическаго внука, Англія имѣла короля, котораго она презирала.

Безумство и пороки человѣка увеличивали презрѣніе, возбужденное слабою политикою государя. Неприличныя придворныя волокитства, привычка грубаго пьянства, которому предавались даже и дамы, были одни достаточны для возбужденія отвращенія въ народѣ, нравы котораго начинали сильно пропитываться суровостью. Но это были бездѣлицы. Открыты были нѣкоторыя преступленія болѣе ужаснаго рода, другія же воз-

Digitized by Google